

Рамон Перес де Айала

Беллармин и Аполлоний

(фрагмент)

Явившись, сеньор Новильо уселся на длинной, обтянутой зеленой кожей кушетке, стоящей под завешанным таким же зеленым тюлем зеркалом, и расположил свой живот между раскинутых ног. Аполлонио, покинув прилавок, за которым он медленными и благоговейными движениями чертил лекала и резал кожу, подошел к господину Новильо и тоже высвободил свой живот на кушетку. Из задней комнаты доносились приглушенный стук молотка, женские голоса и лязг швейных машинок. Аполлонио, не глядя на своего соседа, заговорил:

– Я подавлен, дон Ансельмо, подавлен. Чего мне не хватает, спросите вы? У меня есть мастерская, оборудованная по последнему слову науки и техники; три машины: для шитья – шпульные от Вильсона и от Виллера, для обметки петель – от Джонсона. Может статься, что во всей стране таких машин не наберется и полдюжины. Мои клиенты – сливки общества, и все оплачивают свои счета вовремя. Чего еще я могу просить? Как пел поэт:

Возлюбленная моя! О горе! Слезы мои:

Где же вы, если не впадаете в море?

Было несколько любовных неудач – да, но о них даже не стоит упоминать. Чья же это вина? Ее? Никогда, никогда, никогда. Вина моя. Я сам влюбился в красавицу недоступнее белолицой Беатриче. Я заслужил эту тоску, и принимаю ее с бесконечной радостью.

Сеньор Новильо слушал излияние с тем безразличным выражением лица, с каким статуи, вырезанные из сливового дерева, выслушивают церковные песнопения и молитвы. Аполлонио продолжал, не устаивая Новильо взглядом:

– Я бы изобразил подлинное существо таких абсурдных, ужасных и преступных любовей такой аллегорией. Преступных, да, преступных, потому

что... О, ты, легкий и проклятый язык. Вот в чем фарс: чудовище из тех, кого называют горгульями за то, что они извергают воду с особым шумом, как бы «горгочут», так вот, это каменное чудовище, которое находится на карнизе собора, влюбилось во флюгер в форме голубя, расположенный, понятно, на верхушке башни. И вот какова жестокая судьба таких влюбленных монстров, к каким отношу себя и я: быть окаменевшими, на непреодолимом расстоянии от любимой и горготать. Последнее является комической деталью, завершающей композицию. Комическое всегда безвкусно и жалко, но юмор – средство художественной выразительности в поэзии. Как же зовут эту даму? Я никогда этого не скажу. Я лучше позволю содрать с меня кожу живьем...

Новильо, охваченный собственными любовными переживаниями, встал, не слушая Аполлонию, и подошел к двери, чтобы тайком посмотреть на Феличиту. Аполлоний, разведя руки, с пламенным взглядом следовал за ним, продолжая ораторствовать.

– Я никогда этого не скажу. Только через свой труп. А если и открою тайну после смерти моей, то да будет известно, что не я это, а злой дух говорит устами моими. – Произнеся эту фразу, Аполлоний внезапно успокоился, вернулся за прилавок и принялся вырезать подошву.